

УДК 82.091, 821.511.111

Алексей Востров

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ЖИТЕЛИ ДОЛИНЫ МУМИ-ТРОЛЛЕЙ В «ТЕСНОЙ КОМНАТЕ»

ШВЕДОЯЗЫЧНОЙ ФИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Для цитирования: *Востров А. В. Жители долины муми-троллей в «тесной комнате» шведоязычной финской литературы // Скандинавская филология. 2024. Т. 22. Вып. 2. С. 300–314. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2024.206>*

В статье анализируется метафора «Долины муми-троллей», базирующаяся на серии книг Туве Янссон (1914–2001), опубликованных в период с 1945 по 1970 г. Данная метафора рассматривается как в контексте творчества финской писательницы и художницы, так и в контексте шведоязычной финской литературы в целом. В статье представлена краткая история указанной литературы, ее современная ситуация (через показательную метафору «тесной комнаты») и связи с финской и родственной по языку шведской литературами. Также оцениваются прошлое и текущее положение финляндских шведов в финском обществе, тенденции, складывающиеся в последние десятилетия, противопоставление столичной и сельской шведоязычной Финляндии, история появления метафоры «Долины муми-троллей» и ее сопоставление с метафорой «Утиног пруда», постепенно утратившей свою актуальность из-за изменений, произошедших в финском обществе. Отдельно рассматривается восприятие шведоязычных финнов в Швеции через указанную метафору и появление особого «диалекта муми-троллей», основанного на финляндской версии шведского языка и представленного в теле- и радиопостановках на западном берегу Ботнического залива. С опорой на исследования творчества Туве Янссон и ряд биографических фактов, цитаты из произведений и рабочих записей проводятся параллели между географическим и климатическим описанием «Долины...» и «оазисами» Шведской Финляндии, между ключевыми персонажами и их современным прочтением шведоязычными финнами, между сюжетом и окружением автора историй про муми-троллей. Также упоминаются прототипы персонажей данной серии книг (например, Муми-мама, Муми-папа, Тофсла, Вифсла и др.) и их характеристические черты, важные для сопоставления метафоры «Долины муми-троллей» и социальных процессов в финском обществе XXI в. Упоминаются современные

шведоязычные финские авторы и их связь с книгами и персонажами произведений Туве Янссон. В заключении анализируются перспективы шведоязычной финской литературы и их преломление в рассматриваемой метафоре.

Ключевые слова: шведоязычная финская литература, финская литература, шведская литература, Туве Янссон, муми-тролли, финляндские шведы.

Шведоязычная финская литература исторически находится в двойственной ситуации: как часть финской она включена в местный литературный процесс, как шведоязычная — связана с соседней шведской литературой. Собственный исторический путь шведского языка в Финляндии (сейчас второго государственного, в XIX в. — единственного языка образования, администрации и культуры) predetermined особую роль финляндских шведов в истории этих земель и их дистанцию от Швеции. Многие финляндские шведы¹ имеют иное культурное наследие по сравнению с финноязычными соотечественниками, но и шведский берег для большинства из них является дальним ввиду ощущения себя финляндцами. Поэтому несмотря на единый литературный язык финские шведоязычные авторы сохраняют дистанцию от родственной шведской литературы, и до соседнего берега добираются лишь отдельные произведения. Таким образом, неудивительно, что современная шведоязычная литература Финляндии как литература национального меньшинства находится в собственном микрокосме.

Билингвизм, распространенный среди финляндских шведов, позволяет им участвовать в общефинском литературном процессе, но не предполагает широкой вовлеченности в него, несмотря на периодические переводы на первый государственный язык. На стыке двух культурных ареалов — финноязычного и шведоязычного — возникает эффект противопоставления центра и периферии, поэтому литература финляндских шведов характеризуется «близостью к своим периферийным областям» [Österlund et al., 2011, s. 63]. Это позволяет шведоязычным авторам расширять границы: в отличие от финноязычной литературы, они чаще позволяют себе эксперименты и проявляют свою самобытность, мало учитывая современные течения и социальные потребности финского

¹ В 2019 г. в Финляндии насчитывалось 5,2 % шведоязычных финнов [Saarela, 2021, s. 13].

общества. Тем не менее ввиду изолированности они лишь частично включены в скандинавский литературный контекст.

Показательно, что тексты финляндских шведов лежат в основе финской литературы — первоначально исключительно шведоязычной: например, слова финского гимна переведены со шведоязычного стихотворения Ю.-Л. Рунеберга. В XX столетии шведский язык в Финляндии в плане культурного влияния все больше отходил на второй план, и шведоязычная финская литература следовала этой тенденции. Тем не менее ряд значительных шведоязычных местных авторов включились в европейский литературный процесс: Э. Сёдергран, Г. Парланд, М. Тикканен, М. Фагерхольм, Б. Карпелан, Т. Форстрём... В этом списке на особом положении находится Туве Янссон. Ее муми-тролли стали мировой классикой; наряду с Я. Сибелиусом она является самым известным представителем Финляндии в мировой культуре — и, несомненно, «визитной карточкой» финской литературы.

Почти всю свою долгую жизнь Туве провела в шведоязычном окружении. Ее отец, скульптор Виктор Янссон — финляндский швед, а мама Сигне Хаммарштен — представительница древнего шведского рода. Маленькая Туве училась в Хельсинки в шведоязычной школе, а летние каникулы проводила либо на финском архипелаге, где преобладал шведский язык, либо у родственников на Стокгольмском архипелаге. В юности Янссон три года училась в Политехнической школе шведской столицы, затем в художественной школе Атениума при Финском обществе искусств, где в ее окружении преобладали шведоязычные друзья и знакомые. С детства наблюдая жизнь финляндской шведоязычной богемы, она очень тонко чувствовала особенности изолированного и сплоченного сообщества финляндских шведов.

Говоря о литературе указанного сообщества — в первую очередь о шведоязычной финской прозе 1890–1980-х гг. — писатель и литературный критик Мерете Маццарелла использовала метафору «тесная комната» (швед. *det trånga rummet*) [Malmio, 2016, s. 37]. Цитату можно расширить до образа столкновения локального пространства литературы финляндских шведов с широким пространством финской, региональным пространством шведской и глобальным — европейской литературы. Ситуация современных шведоязычных финских авторов (принято отмерять текущий

литературный период с 1975 г. [Ekman, 2014, s. 20–21]) лишь подчеркивает «одиночество нескольких измерений»: еще в 1960-е гг. модернист Раббе Энкель, кроме саморефлексии, отмечал оторванность авторов от финской Финляндии и от Швеции [Маццарелла, 2009, с. 245]. В эссе из книги «Линии между звездами» (2002) М. Маццарелла высказывает справедливую точку зрения, что финская современность почти не существует по-шведски. В этом ракурсе официальный статус второго языка и «приближенность» к шведской литературе не способствуют уменьшению изоляции, а, наоборот, лишь подчеркивают ее [Маццарелла, 2009, с. 240].

Клаустрофобия финского шведоязычного мира преломляется во многих произведениях современных авторов «тесной комнаты», побуждая к расширению ареала, к контактам с иными культурными пространствами. Однако это вступает в противоречие с традицией шведоязычной финской литературы, которая на протяжении десятилетий отражала в основном собственный замкнутый мир финляндских шведов, их взгляд на меняющийся внешний мир из окон своей «комнаты». В результате этого напряжения все чаще появляются произведения, которые выходят за ее пределы, но при этом сохраняют культурную дистанцию от финской и шведской литератур.

Борьба двух противоположностей — желания отстаивать возможность использовать родной язык в повседневной жизни и необходимости общения на финском языке — приводит к доминированию одной из них, и баланс в этом случае труднодостижим. «Мы исчезаем, когда говорим по-фински!» — типичная фраза финляндского шведа, проживающего вне шведоязычных регионов. Однако метафора «утинога пруда» (швед. *ankdammen*), актуальная для 1960–80-х гг., как и ставшая классической иллюстрация утят со шведской подписью «*Vi finns*» отходят на второй план, выдвигая на передний более индивидуалистический подход, характерный для современности и приведенный к единому литературному знаменателю.

Данную сторону вопроса особо подчеркивает метафора «Долины муми-троллей» (швед. *Mumindalen*) — сказочного муми-мира или, лучше сказать, вымышленной повествовательной вселенной, которую вряд ли можно связывать только с детской литературой. В эссе «Этот коварный детский писатель» (швед. *Den lömska*

barnboks författaren), написанном в 1961 г., Янссон подтверждает это: «Все убедительные детские книги полны символов, отождествлений... их герои одержимы собой» [Jansson, 1961, s. 8]. В повседневности финляндские шведы периодически сравнивают себя с персонажами книги и сопоставляют свое окружение с воплощенным Туве Янссон пространством — символом обособленности, гармонии и уязвимости.

Уже в первой книге серии «Маленькие тролли и большое наводнение» (1945) проявляется миф о безопасности, в основу которого положены мечта ребенка о сказочной стране и сюжет поиска будущего дома. К созданию муми-троллей писательницу подтолкнуло начало Второй мировой войны, хотя визуальный образ фигурок появился раньше. Прячась от страха, безнадежности и отчаяния, Янссон погрузилась в Муми-дол. По ее словам, это были краткосрочные путешествия в выдуманную страну, из которой она всегда возвращалась назад [Карьялайнен, 2017, с. 205]. Позднее, на волне успеха книг и особенностей их издания в Финляндии², данный образ связался с финско-шведским взглядом на подавляющее окружение — как доминирующее финноязычное в родной стране, так и национальное шведоязычное в соседней. Однако наиболее показательна иная перспектива, рассматривающая «Долину муми-троллей» одновременно в нескольких ракурсах: локация, сюжет и сопоставление с персонажами.

В современной Финляндии метафора маркирует языковое меньшинство, отмечая его принадлежность к прибрежным пространствам и шхерам (исторически, как и в современности, финляндские шведы проживают в основном на побережье и на островах). Неудивительно, что приключения муми-троллей проецируются на финляндский архипелаг, который имеет схожие географические и климатические характеристики: продолжительную темную зиму и яркое короткое лето, наполненное белыми ночами. Показательно, что книга «Волшебная зима» (1957) многими

² Несмотря на успех, муми-тролли очень долго преодолевали языковой барьер между финноязычным большинством и шведоязычным меньшинством. Первая книга серии вышла на финском языке лишь в 1991 г., «Муми-тролли и комета» — спустя девять лет после первой публикации на шведском, «Шляпа волшебника» — спустя восемь лет, «Мемуары муми-папы» — спустя тринадцать лет.

критиками воспринимается как наиболее близкая к менталитету жителей северных стран — в первую очередь к скандинавскому [Fleisher, Fleisher, 1963, p. 53].

Природа и сельская местность для Янссон — прежде всего шхеры; в юности она часто изображала жизнь в шхерах для рождественских финско-шведских изданий. Опираясь на ее автобиографическую книгу «Дочь скульптора» (1968), можно уточнить, что летнее время семья маленькой Туве проводила на архипелаге Пеллинки близ Борго (фин. Порвоо) — одного из традиционных шведоязычных «языковых островов» (швед. *språköar*) на карте Финляндии. Другой ключевой локацией является Стокгольмский архипелаг: пейзажи местечка Блидё, где юная Туве проводила летние месяцы у шведской родни, считается прообразом Муми-дола. Для писательницы настоящие и вымышленные острова — важный аспект житнетворчества, их покорение описано в книгах муми-серии и новеллах.

Еще более тесная связь между Долиной муми-троллей и традиционно шведоязычной Эстерботнией, в которой соседствует множество диалектов, и их носители иногда с трудом понимают друг друга (отсюда, возможно, произошла неразборчивая речь муми-троллей). Из-за возможности постоянно говорить на родном языке финляндские шведы считают регион избранным местом, а местные жители особо ценят удаленность от столицы и возможность жить в собственном спокойном мире. Но это приводит к знаковому противопоставлению внутри сообщества и показательному «соперничеству» метафор: «утиный пруд» больше связан в Финляндии с сельским шведским (Эстерботния), а «Долина муми-троллей», появившаяся благодаря литературоведам, драматургам, писателям и журналистам, — это высокий (столичный) финляндский шведский язык. Противопоставление отражает давнее напряжение между периферией и центром: в среде финляндских шведов бытует мнение, что «дорога в столицу короче, чем из столицы».

Способ построения литературного пространства «Долины муми-троллей» отражает также маргинальную ситуацию шведоязычной финской литературы. Брор Рёнхольм замечает, что персонажи Туве Янссон в финско-шведском контексте такие же влиятельные, как, например, герои Ю.-Л. Рунеберга или В. Линны. Герои

последних давно проникли в язык и культурные коды различных кругов и поколений финнов, повлияли на их самоидентификацию, но современные финляндские шведы предпочитают использовать метафору Янссон. Именно поэтому муми-тролли отделились от создателя и статуса литературной фантазии, начали жить собственной жизнью как символы и маркеры сообщества [Klinkmann, 2011, s. 266].

Двуязычие страны отразилось и на личном опыте Янссон, прожившей большую часть жизни с художницей Тууликки Пиетиля. Они говорили на разных языках: Туве — на шведском, Тууликки — на финском. Кроме того, последняя стала прототипом созерцательной и философской Туу-тики из повести «Волшебная зима». Прототипами Муми-папы и Муми-мамы, несомненно, стали родители Туве, а серия закончилась с их смертью.

Муми-тролли проникли во многие детские сердца (да и во взрослые тоже), пронизывая их теплотой и одиночеством и создавая запоминающиеся образы. Кажущаяся безысходность, вовлеченная в круговорот любознательности, свойственна финляндским шведам, ведь они, являясь законодательно защищенным меньшинством, небезосновательно опасаются за будущее родного языка (красивый и уютный домик Муми-папы, который в любой момент может унести наводнением или опустошить нежданной кометой). Вместе с тем большинство финляндских шведов живут как будто в стороне от «Большой Финляндии» (муми-тролли вначале обитали в печке, но люди не замечали их) и, переходя со шведского на финский, исчезают, превращаются в *обычных* финнов (хатифнатты, которые не разговаривают и умеют исчезать).

В данном контексте истории о муми-троллях являются не только семейной сагой, в которой воплощаются идеальные родственные отношения и безмятежность детского мира. Это литературное произведение, где обсуждаются жизненные роли, индивидуальность и условия существования личности. Проекция на мир финляндских шведов, для которого понятие *чужого* (швед. *främant folk, främlingar*) является аутентичным, преломляется в ряде существ муми-вселенной: наряду с рассудительным и чувствительным Муми-троллем здесь находят свое место крючкомвор Снорк, докучливая Филадельфия, хвастливый Хемуль, грустная и напыщенная

Миса, грубоватая и практичная Малышка Мю, простодушная и беспечная Мюмла...

Несмотря на отличия почти все герои обладают положительными чертами характера и ценными качествами: Филифьонка в повести «В конце ноября» оказывается артистичной натурой, эгоцентричный Хемуль в «Волшебной зиме» нужен песику Юнку и любим крошкой Саломеей. Имена персонажей являются важным элементом повествования: они не просто забавно звучат по-шведски, но и имеют разнообразные коннотации. Так Филифьонка (*Filifjontpa*) — «глупая/нелепая/нервная женщина»; Снорк (*Snork*) — «самовлюбленный сноб/нахал»; Юнк (*Ynklig*) — «бедняжка/жалкий» [Johansson, 2015, s. 121–122, 131].

Одна из важных интерпретаций произведений Янссон состоит в сопоставлении жителей Муми-долины и ее гостей — особенно показательных в последней книги серии «В конце ноября» (1970). В окончательной редакции ни один из героев, дружащих с мумитроллями и навещающих их, не показан отрицательно, и лишь некоторые представители законопослушного и консервативного общества в повести «Опасное лето» (1954) несколько отклоняются от данной тенденции. Другие персонажи (например, Ондатр или Хемулиха в «Мемуарах папы Муми-тролля») создают показательный контраст с божественными идеалами и беспечностью, свойственными семейству муми-троллей. Продолжая идею воплощения жизненных ролей, шведская исследовательница Буэль Вестин называет Снорка «типичным бюрократом», а коллекционирующего марки Хемуля — «представителем оторванной от реальности науки» [Westin, 1988, s. 141], тем самым еще теснее связывая муми-мир с миром реальным.

Туже Янссон отмечала в рабочем дневнике: «Эти герои не люди, не животные и уж точно не типичные мифические существа; может быть, они просто маски, за которыми прячется обычное человеческое поведение; вместе с тем они оставляют пространство для маневра. Я хочу сказать, что фру Фридрихольм невозможно поместить в совершенно невероятное окружение или ситуацию, а вот с фру Филифьонкой, которая к тому же совершенно не похожа ни на кого из ваших знакомых, можно экспериментировать сколько душе угодно» (цит. по: [Westin, 2014, p. 106]). Также Янссон отмечала, что детские книги наполнены символами, и читатель легко

идентифицирует себя с героями, а у муми-троллей человеческие характеры, их образы универсальны [Янссон, 2020, с. 663–664].

Подобная вариативность персонажей наводит на мысль о сообществе финляндских шведов, с одной стороны, представителей бунтующей богемы и знатных богатых фамилий (жители Хельсинки), с другой — обывателей сельской Эстерботнии или Архипелага Турку. Яркой иллюстрацией последнего является образ возмущенной фру Мышки в повести «Опасное лето»: «Я не думаю, чтобы молодежь нагнала эту огромную волну. Мы, разумеется, слишком малы для этой долины и не можем поднять волны, разве лишь в ведре, кастрюле, ковше или даже в стакане воды» [Янссон, 2010, с. 375].

Несмотря на то что герои муми-мира — больше собирательные образы, они вышли за его пределы и стали связываться с реальными персонажами. Например, известный финский этнолог и писатель Бу Лёнквист осенью 2008 г. в колонке крупнейшей шведоязычной финской газеты *Hufvudstadsbladet*, оценивая перспективы сохранения шведоязычной Финляндии, называл себя «пессимистичным хемулем» (швед. *en pessimistisk hemul*) [Lönnqvist, 2008, s. 5]. Учитывая, что Хемуль в поздних повестях Туве Янссон — добросовестный, лояльный и с добрыми намерениями, складывается «портрет» типичного финляндского шведа, живущего вне столицы. Напротив, в новелле «Нехемульная история» (1966) приводится ироничный образ жителя столицы: «И тут в дверь позвонили. <...> Хемуль [поэт] открыл... <...> Это был секретарь культурных кругов [культурного управления], до смешного скромный Хомса, который за вечер не проронил ни слова. Чуть старшего его, с какой-то неотвественной государственной должностью» [Янссон, 2020, с. 637].

Видный писатель, кинорежиссер и политик Йорн Доннер на сайте финского шведоязычного аналитического центра Мagma в январе 2009 г. при обсуждении значения терминов *финляндский шведский*, *финляндец* и *финский* «попал» в карикатуру: он вместе с муми-троллем выглядывал из сарая с надписью *finlandssvensk...* Здесь, как можно представить, обыгрывается не только связь указанных терминов с Муми-долом, но и дальний план: Доннер как представитель столичной богемы попадает в декорации, свойственные прибрежной сельской местности. Стоит отметить, что

в газетных публикациях 1930-х гг. деревня часто противопоставлялась городу, эта тема затрагивается и в новелле Янссон «Дитя города» (1935).

В репортаже Helsingin Sanomat (позже опубликованном в *Ny Tid*) саркастически описывается финско-шведская семья в местечке Гранкулла (фин. Кауниайнен) столичного региона: «Поехали с нами в Финляндию, где люди терпимы и оптимистичны. Там живут лучшие люди — меньшинство, которое большинство ненавидит и которым восхищается. Это Шведская Финляндия... знакомая и безопасная Долина муми-троллей. Только там финн действительно осознает, что он или она: *финноязычный*. <...> Идиллия безопасна, как в Долине муми-троллей. Здесь, в Гранкулле, почти половина жителей говорит на родном языке Муми-тролля — финско-шведском» [Klinkmann, 2011, s. 271, 277].

Интересно, что в Швеции метафора «Долины муми-троллей» связана прежде всего с особым вариантом шведского языка. Первый телевизионный проект с персонажами муми-троллей появился здесь в 1969 г. и являлся творением финляндских шведов — подруги Туве Вивики Бандлер (Туве и Вивика стали прототипами Тофслы и Вифслы). В дальнейшем финско-шведские версии радио- и телепрограмм о муми-троллях также преобладали на западном берегу Ботнического залива. Именно поэтому для шведской публики муми-тролли во многом стали символом финляндского шведского языка и привели к метафоре «диалекта муми-троллей» — особого социолекта, широко распространенного в Хельсинки как высокого финского варианта шведского языка³.

Впоследствии данная метонимическая цепочка еще больше усилилась людьми финско-шведского происхождения, с которыми часто сталкивалась шведская общественность. Помимо Туве Янссон, самый известный из них — Йорн Доннер, который работал в Шведском институте кинематографии, много общался с кинорежиссером Ингмаром Бергманом и был продюсером его фильма «Фанни и Александр». Легкая богемная анархия, по мнению Буэль Вестин, — еще одна ключевая шведская ассоциация с Муми-домом, а местное слово *rådd* вошло в национальный шведский язык.

³ В Финляндии широко известна история, когда маленькая жительница Стокгольма 1970-х гг., подняв трубку телефона и услышав голос финляндского шведа, передала ее со словами: «Мама, тебе звонит муми-тролль!»

Она же считает, что мечта о Долине свидетельствует о напряжении между катастрофическим и безопасным, между хаотичным и райским, а ссоры и опасности — основа жизни в мире муми-троллей [Westin, 1988, s. 127].

Важно отметить, что для многих финляндских шведов (особенно из Эстерботнии), детство которых прошло в 1960–70-е гг., муми-тролли долгое время оставались на периферии: они читали сказки Астрид Линдгрэн и приобщились к муми-миру лишь в зрелом возрасте. Однако их дети и внуки уже обязательно погружаются в Долину: местная рождественская традиция включает чтение у камина книг Туве Янссон. Так финский шведоязычный писатель Ларс Сунд, родившийся в Якобстаде и живущий в шведской Упсале, не помнит о чтении книг о муми-троллях в юном возрасте — напротив, помнит детские впечатления от героев Астрид Линдгрэн [Klinkmann, 2011, s. 267]. Такая ситуация показательна: книги Туве Янссон быстрее добрались до читателей на западном берегу Ботнического залива, чем на восточном, несмотря на феномен «диалекта муми-троллей» (а может быть, благодаря ему).

В одной из бесед с финским шведоязычным писателем Бу Карпеланом⁴ Туве Янссон соглашается, что Муми-долина — рай для эскапистов: «Для тех, кого я потеряла, или тех, кого я не могу вписать во взрослое общество, это довольно осторожный способ бегства». Данная тема подробнее раскрывается в неопубликованной рукописи писательницы: «Я поселила семью в райской долине, окружила их со всех сторон высокими горами и оставила им только узкий выход к морю, что, конечно, само по себе является символом эскапизма. Возможно, это объясняется тем, что я пишу детские книги, — ведь у детей наверняка есть возможность сбежать...» [Jones, 1984, p. 3]. Следствием этого стал осознанный отказ от иллюстраций к самым пугающим фрагментам книг.

Современная ситуация литературы финляндских шведов как будто нарочито подчеркивает образ Долины. Лишь избранные произведения добираются до шведского берега, подчеркивая «богемность» их авторов, в то же время только малая часть переводится на финский язык и становится известной большинству финнов. Немногие авторы, несмотря на возможность «сбежать»

⁴ Бу Карпелан брал у Туве Янссон несколько интервью в период 1964–1987 гг.

(и являясь билингвами), готовы перейти в финноязычный мир или перебраться в Швецию, чтобы писать на темы, близкие соседям. И даже возможность быть «дважды опубликованным»⁵ не отменяет изолированности авторов, их особого статуса и широких возможностей для развития благодаря местным богатым культурным фондам.

В XXI в. мир шведоязычной финской литературы остается все таким же тесным и внешне гармоничным, обеспеченным и безопасным. Тем не менее он живет между идиллией и угрожающим хаосом в ожидании «наводнения». И даже восприятие времени «Долины муми-троллей» как будто принадлежит национальному менталитету: поначалу здесь всегда лето, персонажи не стареют, и ничего не меняется. Однако процесс финнизации, пронизывающий почти всю общественную жизнь страны, предполагает медленную ассимиляцию шведоязычной финской культуры, тем самым лишая ее своеобразного «рельефа», отличающего ее как от финской, так и от шведской. Лишь официальный статус шведского языка и давняя шведоязычная традиция позволяют существовать и развиваться местной литературе с постоянной оглядкой на потенциального читателя в будущем. И в нем Муми-тролль предстает как идеализированный, слегка ироничный образ, в котором видит себя и свое ближайшее окружение образованный финляндский швед.

Сама же Туве Янссон подчеркивала, что в муми-доме соединились различные традиции и материалы. «Вкусы семейства подвергались влиянию множества мест и эпох; помимо французских окон, в их доме есть окна русские, финские, карельские, с орнаментами в стилях ампир, модерн, рококо; кроме этого, обитатели дома питают явную слабость к Аризоне» [Янссон, 2020, с. 642]. Писательница не раз говорила о его строительстве как об игре.

ЛИТЕРАТУРА

Карьялайнен Т. *Туве Янссон: Работай и люби*. М.: АСТ, 2017. 376 с.
Маццарелла М. Почему я плохо говорю по-фински. Фрагменты книги «Линии между звездами». *Иностранная литература*, 9, 2009. С. 233–247.

⁵ При издании книг финских шведоязычных авторов в Швеции ставятся два издательства — финское и шведское.

- Янссон Т. *Всё о муми-троллях: Повести-сказки*. СПб.: Азбука-классика, 2010. 880 с.
- Янссон Т. *Летняя книга: роман, повести, рассказы, эссе*. М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2020. 672 с.
- Ekman M. 'Uppkomsten av en minoritetslitteratur', i *Finlands svenska litteratur 1900–2012*. Helsingfors: SLS; Stockholm: Atlantis, 2014. S. 13–21.
- Fleisher F., Fleisher B. Tove Jansson and the Moomin Family. *American-Scandinavian Review* 51, 1, 1963. P. 47–54.
- Jansson T. Den lömska barnboksförfattaren. *Horisont*, 2, 1961. S. 8–10.
- Johansson A. Rehal. Ethics and artistic methods in Tove Jansson's Moomin suite. *Studia Culturae*, 3 (25), 2015. P. 119–135.
- Jones W. G. *Tove Jansson*. Boston: Twayne Publishers, 1984. 177 p.
- Klinkmann S.-E. *I fänrikarnas, martallarnas och dixietigrarnas land: en resa genom det Svenska i Finland*. Helsingfors: SLS, 2011. 382 s.
- Lönnqvist B. Minoritetens förbannelse. *Hufvudstadsbladet*. 19.11.2008. S. 5.
- Malmio K. Mötet mellan lokala och globala rum. *Historiska och litteraturhistoriska studier* 91. Helsingfors: SLS, 2016. S. 37–65.
- Österlund M., Lassén-Seger M., Franck M. 'Glokal' litteraturhistoria: på väg mot en omvärdering av finlandssvensk barnlitteratur. *Barnlitterært forsknings-tidsskrift*, 2 (1), 2011. S. 60–71.
- Saarela J. *Finlandssvenskarna 2021 — en statistisk rapport*. Helsinki: Svenska Finlands folkting, 2021. 95 s.
- Westin B. *Familjen i dalen. Tove Janssons muminvärld*. Stockholm: Bonnier, 1988. 350 s.
- Westin B. *Tove Jansson: Life, Art, Words. The Authorised Biography*. London: Sort of Books, 2014. 523 p.

Статья поступила в редакцию 19 июня 2024 г.;
рекомендована к печати 12 июля 2024 г.

Alexey Vostrov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

INHABITANTS OF MOOMIN VALLEY IN *THE CRAMPED ROOM* OF SWEDISH-LANGUAGE FINNISH LITERATURE

For citation: Vostrov A. V. Inhabitants of Moomin Valley in *The Cramped Room* of Swedish-language Finnish literature. *Scandinavian Philology*, 2024, vol. 22, issue 2, pp. 300–314. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2024.206> (In Russian)

The article analyzes the metaphor of *Moomin Valley*, based on a series of books by Tove Jansson (1914–2001), published between 1945 and 1970. This metaphor is considered both in the context of the entire work of the Finnish writer and artist and in the context of Swedish-language Finnish literature in general. The article presents

a brief history of this literature, its current situation (through the illustrative metaphor of a “cramped room”) and its connections with Finnish and related Swedish literature. It also evaluates the past and current position of Finland Swedes in Finnish society, the trends that have developed in recent decades, the opposition of metropolitan and rural Swedish-speaking Finland, the history of the emergence of the metaphor of *Moomin Valley* and its comparison with the metaphor of the *Duck Pond*, which has gradually lost its relevance due to the changes that have occurred in Finnish society. The article also examines the perception of Swedish-speaking Finns in Sweden through the mentioned metaphor and the emergence of a special “Moomin dialect” based on the Finnish version of Swedish and presented in TV and radio productions on the western shore of the Gulf of Bothnia. Based on the research of Tove Jansson’s work and a number of biographical facts, quotations from works and work notes, parallels are drawn between the geographical and climatic description of the “Valley” and “oases” of Swedish Finland, between key characters and their modern interpretation by Swedish-speaking Finns, between the plot and the environment of the author of stories about Moomins. It also mentions the prototypes of the characters in this book series (e. g. Moominmamma, Moominpappa, Tofsla, Vifsla, etc.) and their characteristic features, which are important from the point of view of comparing the metaphor of the *Moomin Valley* with social processes in Finnish society in the 21st century. Contemporary Swedish-language Finnish authors and their connection with the books and characters of Tove Jansson’s works are mentioned. In conclusion, the perspectives of Swedish-language Finnish literature and their refraction in the metaphor under consideration are analyzed.

Keywords: Swedish-language Finnish literature, Finnish literature, Swedish literature, Tove Jansson, Moomins, Finnish Swedes.

REFERENCES

- Ekman M. ‘Uppkomsten av en minoritetslitteratur’, i *Finlands svenska litteratur 1900–2012*. Helsingfors: SLS & Stockholm: Atlantis, 2014. S. 13–21.
- Fleisher F., Fleisher B. Tove Jansson and the Moomin Family. *American-Scandinavian Review* 51, 1, 1963. P. 47–54.
- Jansson T. *All about the Moomins: Tales and stories*. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2003. 880 p. (In Russian)
- Jansson T. Den lömska barnboksförfattaren. *Horisont*, 2, 1961. S. 8–10.
- Jansson T. *Summer Book: novel, stories, short stories, essays*. Moscow: Inostranka Publ.; Azbuka-Attikus Publ., 2020. 672 p. (In Russian)
- Johansson A. Rehal. Ethics and artistic methods in Tove Jansson’s Moomin suite. *Studia Culturae*, 3 (25). 2015. P. 119–135.
- Jones W. G. *Tove Jansson*. Boston: Twayne Publishers, 1984. 177 p.
- Karjalainen T. *Tove Jansson: Work and Love*. Moscow: AST Publ., 2017. 372 p. (In Russian)
- Klinkmann S.-E. *I fänrikarnas, martallarnas och dixietigrarnas land: en resa genom det Svenska I Finland*. Helsingfors: SLS, 2011. 382 s.
- Lönnqvist B. Minoritetens förbannelse. *Hufvudstadsbladet*, 19.11.2008. S. 5.

- Mazzarella M. Why I Speak Finnish Badly. Excerpts from the book “Lines Between the Stars”. *Inostrannaia literatura*, 9, 2009. P. 233–247. (In Russian)
- Malmio K. Mötet mellan lokala och globala rum. *Historiska och litteraturhistoriska studier 91*, Helsingfors: SLS, 2016. S. 37–65.
- Österlund M., Lassén-Seger M., Franck M. ‘Glokal’ litteraturhistoria: på väg mot en omvärdering av finlandssvensk barnlitteratur. *Barnlitterært forskningstidsskrift*, 2 (1), 2011. S. 60–71.
- Saarela J. *Finlandssvenskarna 2021 — en statistisk rapport*. Helsinki: Svenska Finlands folkting, 2021. 95 s.
- Westin B. *Familjen i dalen. Tove Janssons muminvärld*. Stockholm: Bonnier, 1988. 350 s.
- Westin B. *Tove Jansson: Life, Art, Words. The Authorised Biography*. London: Sort of Books, 2014. 523 p.

Alexey Vostrov

Senior Lecturer,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,

29, ul. Polytechnicheskaya, St. Petersburg, 195251, Russian Federation

E-mail: alex.sinkriver@gmail.com

Востров Алексей Владимирович

старший преподаватель,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

Российская Федерация, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

E-mail: alex.sinkriver@gmail.com

Received: June 19, 2024

Accepted: July 12, 2024